

Николай Андреевич, давешний наш знакомец, сразу после пресловутого «миллениума» оставил-таки долгую и беспорочную работу в НПО «Меткость», хотя среди сотрудников трижды орденосного флагмана бывшего военно-промышленного комплекса страны в моде было иметь всего две записи в трудовой книжке: поступил после школы, профтехучилища или института — уволился по собственному желанию через десять лет после исполнения пенсионного возраста. И все: подпись кадровика, печать. И хотя Андреевичу, как его после пятидесяти лет стали звать молодые сотрудники отдела, до пенсии было еще семь лет, но... уволился. Дело даже не в слишком высокой зарплате, к чему в его семье попривыкли, а просто пропал интерес к прежде столь увлекавшей его конструкторской работе — явное следствие общего климата в НПО. Вяло доделывались изделия, начатые еще в советское время, а новых разработок не начинали: никто «сверху» не предлагал, финансирование отсутствовало. Даже предоставленное предприятию почетное право самому вести дела с зарубежными заказчиками из Эмиратов, Сирии и других арабских стран оптимизма не прибавляло.

Опять же среди работающих и руководящих на рубеже веков и тысячелетий произошло классовое расслоение: несколько десятков привилегированных зарплату получали в мешках, которую и отвозили домой в сопровождении вохровского (а кое-кто и личного) охранника, а остальные пять-шесть тысяч инженеров и рабочих — сунув несколько крупных кредиток (после деноминации и дефолта) в нагрудный карман пиджака... Как говорится, что положено Юпитеру, то не положено быку. Бывшие советские инженеры любили щеголять интеллигентскими присказками из латыни.

Собрав в «бегунке» все необходимые подписи, Николай Андреевич отправился в отдел кадров, попутно отметив небольшую очередь к кадровикам, причем состоявшую из молодых специалистов. На правах старослужащего протянул свои бумажки старшему инспектору по кадрам через головы несостоявшихся инженеро́в. Те, правда, вежливо расступились, пропустив его к барьеру.

— А вы-то, Николай Андреевич, пошто увольняетесь? — изумилась почтенная Таисия Егоровна, более четверти века назад принимавшая его, выпускника местного технического института, на работу, правда на другом предприятии: Центральном КБ агрегатостроения.

** От автора: Настоящий рассказ основан на действительных фактах, все приводимые данные давно рассекречены и опубликованы в открытой научной периодике 1990–2000 гг. Имена исторических персонажей сохранены, имена ныне живущих и главного героя — изменены.*

Из дальнейшего разговора выяснилось: массовый отход «за ворота» молодежи объяснялся тем, что Минобороны буквально на днях снял бронь с НПО, равно как и почти со всех предприятий бывшего ВПК страны. То есть если раньше молодые выпускники все того же института, теперь университета, поступали в «Меткость» и рассеянно щелкали по клавишам компьютера до достижения двадцатисемилетнего возраста, а потом тотчас, в день рождения, увольнялись и шли в офисники-коммерсанты, то теперь это делают, не заходя в НПО, другие КБ-НИИ и заводы-фабрики.

Выслушав рассказ Таисии Егоровны, Николай Андреевич на один миг почувствовал себя дезертиром с трудового фронта.

Поскольку наш знакомец, словно предчувствуя кардинальное в своей судьбе-работе, еще пару лет назад защитил кандидатскую диссертацию в Совете при НПО «Меткость», то без труда устроился доцентом на военно-конструкторский факультет все того же родного университета. На факультете почти половина преподавателей ранее трудилась в «Меткости», поэтому Николай Андреевич как бы и не уходил с родного предприятия, а, например, перешел в другой отдел... Однако в курилке, возобновляя знакомство, все же поязвили в отношении «Меткости», теряющей свои кадры.

Язвили не злобно, даже с легкой ностальгией, но ведь все знают эту черту доброго нашего народа: отрезанный и съеденный ломоть всегда каравай бранит.

Попривыкнув за семестр к почти вольной жизни университетского «препода», как их за глаза называют нынешние студюозусы, Николай Андреевич всерьез задумался над неожиданным приглашением из самостийного Харькова: приехать на научную международную конференцию по профилю бывших совместных работ на несокрушимую и непобедимую Советскую армию. Понятно, что теперь тема ученого собрания носила сугубо конверсионный характер с дружественной политкорректностью.

То есть за Белгородом и ближней границей Николая Андреевича ждали старинные знакомцы, главное — конференция была посвящена юбилею профессора и академика Валентина Леонидовича Просвирнина, бессменного руководителя радиоконструкторского НИИ, большого друга и генерального «Меткости», ректора университета. Ведь некогда постсоветский теперь мир был очень тесным...

А ректор, тоже, конечно, получивший приглашение, по неделям бившийся в Москве с минвузовскими чиновниками, поехать не мог, потому поручил нанести визит декану военно-конструкторского факультета с парой своих сотрудников. Понятно, что Николай Андреевич, похваставший приглашением, автоматически был включен в бригаду. Хотя в душе несколько и поморщился, попривыкнув к сидячей жизни без ненужных сейчас на предприятиях командировок (в своем соку все варятся, как рыбные консервы), но тут же и взбодрился. Тем более — новоиспеченному доценту негоже ректора и декана послушиваться. Да и любопытно: как там жизнь у незалежных? Опять же супруга, полухохлушка, никогда на Украине не жившая, очень интересовалась.

...Уже вернувшись из командировки, Николай Андреевич за поздним ужином, прямо с харьковского поезда, рассказывал жене: дескать, жизнь, как и у нас, в общем, как и прежде только по-русски говорят, а что в Киеве и у западэнцев происходит — их мало волнует. Получалось из его слов, что самое интересное — это пересечение на поезде границы с украинской стороны: такие спектакли самостийные погранцы устраивают!

Ну да читатели все это хорошо знают: по собственному опыту или из прессы и теляжника. Как, например, вывоз в Россию куска сала или сыра свыше четырехсот граммов — подрыв экономической самостоятельности. И так далее.

Еще Николай Андреевич сказал, что видел «живьем» изобретателя водородной бомбы и управляемого термоядерного синтеза — из бывших младших сержантов. Но супруга уже начала мыть посуду и слова пропустила мимо ушей. К тому же наукой и техникой она не интересовалась.

Прибывших с Украины иногородних конферентов и гостей из России, Белоруссии, даже кой-кого из настоящей заграницы разместили по весенне-летнему времени со скромным комфортом в загородном пансионате-турбазе госуниверситета. На заседания конференции возили на автобусе — одного на всех хватило. Опять же заседания проводились в университете, ибо НИИ Просвирнина продолжало считаться оборонным. Из культурной программы любитель классики Николай Андреевич выбрал знаменитый оперный театр (давали неуместную вроде как в самостийной «Хованщину»), автобусную прогулку по достопримечательностям довоенной столицы Украины и, конечно, заключительный банкет.

От *m*-ой делегации с основным докладом выступал декан, а профессор Сергей Яковлевич Расстригин и Николай Андреевич кратко доложились на одном из секционных заседаний.

На второй день конференции, пообедав в перерыве между пленарными заседаниями в университетской столовой, в оставшуюся до начала докладов четверть часа Николай Андреевич прогуливался в компании двух давних знакомцев из НИИ Просвирнина по вестибюлю перед актовым залом, вспоминая былые дни, когда харьковские гости по неделе-другой «зависали» в кабинетах и конструкторских залах «Меткости», а вот Николаю Андреевичу — по малости его чина — в Харькове побывать не удавалось; только из окна поезда видел, направляясь с семьей на черноморский отдых.

— Смотри, — перебил один из харьковчан рассуждения Николая Андреевича об особенностях нынешнего российского высшего образования, в частности об обезьянническом введении квалификаций «бакалавр»-«магистр», — никак сам Игорь Алексеевич на сегодняшнее заседание пришел. Давно его не видел, а все таким же молодцом! И по-прежнему в Институте физики плазмы* ведущим научным сотрудником работает.

— А кто это? — И Николай Андреевич внимательно осмотрел бодрого старичка лет семидесяти пяти в аккуратном костюме-тройке, с пластиковой папочкой под мышкой, неторопливо подходившего к дверям актового зала. — А фамилия его как?

— Ах да, у вас в России его фамилия — Прокофьев — пока еще малоизвестна, хотя статью о нем я намерен видеть в свежем номере «Успехов физических наук»**, но ты, Андреевич, как профи-конструктор, всяких там физиков-теоретиков не читаешь... А Игорь Алексеевич — двойной крестный отец мирового масштаба: изобретатель водородной бомбы и управляемого термоядерного синтеза, то есть «токомака» достославного...

* Входит в структуру Харьковского физико-технического института (ХФТИ).

** Наиболее авторитетный в России журнал по теоретической физике; издается Академией наук на русском и английском языках.

— Постой-постой, Васильич, — прервал Николай Андреевич, принимая услышанное за особый харьковский юмор, — какой изобретатель? А Курчатов, Сахаров, Харитон... Кто там еще? Тамм и Зельдович, кажется?

— А вот так. Конечно, бомбу и «токомак» делали десятки и сотни институтов и конструкторских бюро и названные тобою авторитеты, в науке конечно... вот жизнь пошла: говоришь слово, а оно по-нынешнему уже другой смысл имеет! Так они, команда Курчатова, всю ядерную физику, разумеется, перелопатили и руководили конкретным созданием водородной бомбы и «токомака», а вот основополагающие идеи по ним, по их устройству и принципу работы практически из ничего придумал Игорь Алексеевич — тогда с семиклассным образованием и солдат Советской армии...

На этом его прервал вестибюльный звонок, приглашая на вечернее пленарное заседание.

— Вот что, Андреевич, у нас же сегодня ответный визит: небольшим коллективом едем ужинать к вам на турбазу, там и заночуем. Так что будет время рассказать о нашем уникале. Пошли заседать!

Несмотря на свои двадцать три года и невеликое воинское ефрейторское звание, радиотелеграфист Игорь Прокофьев успел поучаствовать в войне, уйдя на нее восемнадцатилетним добровольцем в последний год, потому воевал в Прибалтике. После Победы только на неделю приехал в Псков к родителям, а далее еще на пять долгих лет отправился дослуживать на Сахалин, только что освобожденный от японцев.

Мать, Александра Федоровна, работавшая медсестрой в городской больнице, и отец, Алексей Николаевич, служивший в горкомхозе, и обрадовались приезду сына, и огорчились новой разлукой — правда, уже без войны. Игорь же дал себе слово: вернувшись с действительной — жить вблизи родителей. Но получилось, что дальше он виделся с ними только наездами... Человек полагает, а бог располагает.

В своей части он был далеко не единственным, а одним из многих, позвякивавших боевыми медалями на гимнастерках; кое-кто имел и ордена. Игорь прибыл на Сахалин в определенный ему гарнизон с медалью «За победу над Германией», а в сорок восьмом году, когда добровольно-принудительно стал сверхсрочником, вместе с двумя лычками на погоны* получил и «XXX лет Советской Армии». Во всяком случае, курносому «унтеру» лихо отдавали честь бойцы первых послевоенных призывов.

После войны любая мирная служба хороша, а не избалованному климатом и скромным семейным достатком псковскому уроженцу, особенно в военное лихолетье, жизнь на всем готовом протеста и душевного неустройства не вызывала. Жаркое, но не знойное лето, относительно короткая, маломорозная зима, долгая «золотая» осень и бурная весна, изобилие ранее не виденной красной рыбы: кеты и горбуши — даже в солдатском рационе. Уха из кеты на обед, жареная горбуша с картофельным пюре на ужин. Главное — не приедалась краснорыбница. Как и хлеб отменной гарнизонной выпечки.

...Пожалуй, что и кривил слегка душой Игорь, сообщая в письме к родителям о почти приказном переводе в сверхсрочники. Многие кадровые, вкусившие от войны, продлевали свое пребывание в армии. Благо это встречало живейшее по-

* То есть звание младшего сержанта.

нимание начальства. Имелось указание высшего командования как можно дольше удерживать боевых солдат и сержантов на службе. Послевоенные десантники так вообще по семь лет отслужили. Начиналась «холодная» война с Западом, армия должна быть боеспособной и многомиллионной. Опять же потенциальные призывники второй половины сороковых годов были нужнее на гражданке: старшие поколения повыбиты войной, а нужно в кратчайшие сроки восстановить страну, подготовить сотни тысяч, даже миллионы специалистов — от фабзайцев* до инженеров, врачей, учителей.

И сами бойцы, уходившие на сверхсрочную, особенно хорошо знавшие жизнь бывшие крестьяне и горожане во втором поколении, к таковым и относился Прокофьев, зачастую не неволею, но охотой продлевали военную жизнь. Все они после Победы побывали в отпусках в родных местах: разруха, голод в деревнях, в городах карточки, тяжелая работа по восстановлению, всеобщая неустроенность, воровство и бандитизм... Конечно, патриотизм, долг партийца и комсомольца — все это присутствовало в молодых душах, но человек есть человек. Да и не отсиживаются они в каптерках и камбузах, а несут напряженную, без поблажки, службу. А к дисциплине еще на войне по привычке.

По началу службы на Сахалине Игорю становилось неловко, когда вспоминал о родителях в полуразрушенном Пскове, но уже через год поуспокоился, читая письма из дома, а в семье их не было принято что-то утаивать даже из самых добрых побуждений. Алексей Николаевич и Александра Федоровна родом из крестьян Псковской губернии и уже взрослыми людьми, хотя и молодыми еще, каждый порознь, перебрались в город на втором году советской власти. Там и встретились, поженились, а летом двадцать шестого года явился на свет сын: курносый и темноволосый — в коренную псковитянку-мать. Назвали его по-городскому, имя Игорь было тогда в моде, как несколько позже по «красным святцам» популярными стали немецкие имена: Альфред, Адольф, Генриэтта, даже Рем. Германия долгое время полагалась следующей Страной Советов...

А из незатейливых и нелукавых писем матери Игорь чувствовал: жизнь на «большой земле» начала налаживаться, благо родители были при твердой работе и дом, где они издавна квартировали, в войну совсем не пострадал. Дядька отца занял хорошую должность в горисполкоме, помогал чем мог.

Сам же зажил по-армейски уютно. Строевой, как ветерана, не заматывали, а служба радиотелеграфиста и вовсе не пыльная: знай себе морзянку стучи и не ошибайся при приеме, но слух у него был хороший, почти музыкальный, на гармошке поигрывал иногда. Не на своей. Главное — телеграфная служба вахтовая: полусутки, с двумя перерывами на еду, в аппаратной, вторые — свободен. А если вахта ночная, то к телеграфному ключу и вовсе редко приходится прикасаться, просто наушники с заглушками из мягкой пористой резины нельзя снимать, а при появлении «точек-тире» записать принятый текст и передать через посыльного рядового дежурному офицеру узла связи. Но и это за ночь только пару-тройку раз случалось. Все привыкают к мирной жизни: и бойцы, и офицеры. Вот только генералы и адмиралы по ночам не спят — из числа ответственных за округ, флота и соединения; им ведь запросто может в три часа ночи позвонить Иосиф Виссарионович, а то и Булганин, Василевский, Рокоссовский...

* Учащихся и окончивших фабрично-заводские училища — тогдашние прообразы ПТУ.

И не только времени свободного или почти свободного — на ночной вахте — прорва, но и житейской сутолоки нет. Как сменным дежурным по узлу связи дивизии, им с младшим же сержантом Петром Полуяновым не в казарме, а в том же здании узла положена жилая комната на двоих: рубка, как принято говорить у связистов. А поскольку с Петром они виделись только два раза в сутки на приеме-сдаче вахты, то, считай, что как у женатых офицеров: личная комната с большим окном, двумя кроватями — и не в ярусы, как в казарме, а особняком. Вместо тумбочек — поместительный шкаф-комод, трофей от японцев; правда, замысловатые картинки и иероглифы покрашены лаковой краской светло-коричневого цвета. Главная роскошь — неведомо как сюда попавший двухтумбовый стол, а при нем прочнейший стул с полумягким сидением и высокой резной спинкой. Связисты из старослужащих поговаривали, что до устройства в здании узла связи здесь короткое время обитала какая-то трофейно-интендантская часть.

Вовсе не портили интерьер и домашность комнаты окрашенные синей масляной краской в рост человека стены, беленый потолок с матовым плафоном светильника, лампа с «ленинским» абажуром на столе и покрытый черным дерматином топчан. Раньше он предназначался для подсменного телеграфиста, но потом эту должность отменили и ввели посыльного рядового, который квартировал уже в своей казарме.

В гарнизонах свято место пусто не бывает, поэтому топчан избрал себе для проживания здоровенный рыже-полосатый кот Самурай, прописавший себя на житье и прокормление к узлу связи при разделе соплеменниками территории части. Из всех четырех жилых комнат здания он выбрал рубку сержантов-телеграфистов как наиболее уютную и малолюдную. Ночью Самурай уходил по своим котовским делам, а днем спал на топчане, поближе к раскаленной (зимой) печке-голландке, выходявшей четвертью черного железного цилиндра по углам четырех же смежных комнат. Топка печи располагалась в комнате радистов-ремонтников.

Прямо над топчаном к стене были принайтованы строгие военно-морские часы — круглые, размером с суповую миску и с двадцатичетырехчасовым делением обегаемой стрелками окружности-циферблата. В морозные ночи и позднееосенние дожди Самурай спал на топчане круглые сутки с двумя перерывами на еду.

Еще в рубке имелась радиоточка-репродуктор.

И еще два важных для молодого человека вопроса решились. Во-первых, как сержант-сверхсрочник, он был поставлен на денежное довольствие. Это его первая в жизни «зарплата». Во-вторых, решил вопрос и с продолжением образования, которое ранее ограничилось окончанием седьмого класса в Пскове за несколько дней до начала войны.

Гарнизон их военной части располагался в километре от промышленного поселка, где имелась вечерняя школа для рабочей молодежи. Поразмыслив, в январе сорок восьмого года он написал рапорт командиру батальона, предварительно заручившись согласием начальника узла связи капитана Грищенко, благоволившего к старательному сержанту, а по войне и вовсе однополчанину: оба воевали в Прибалтике.

Комбат, майор Нестеров, в это время исполнял обязанности командира полка, убывшего в Ленинград на годичные курсы при Академии связи имени Семена Михайловича Буденного, то есть фактически начальствовал над гарнизоном, где размещался полк технического обслуживания и кой-какие вспомогательные

подразделения. Остальная дивизия была разбросана по военным городкам в радиусе тридцати километров. Получив через штаб рапорт младшего сержанта Прокофьева и прочитав его, вызвал замполита Егорова:

— Вот, Виктор Феодосьевич, старослужащие наши уже третий рапорт о разрешении учиться в вечерней школе подают. Как полагаешь?

— Ну-у, Матвей Григорьевич, мы и сами кто-где упущенное за войну доучиваем. Почему бы и сержантам в гражданскую жизнь с аттестатами зрелости не выйти? Главное, чтобы службе не помешало.

— Согласен, значит. Я тоже к этому склоняюсь, но прежде побеседую со всеми тремя. Кстати говоря, завтра с утра я буду в узле связи, есть дело до Грищенко, вот и начну с Прокофьева. Кое-что о нем слышал от офицеров-связистов и нашей библиотекарши: этот младший сержант в ее хозяйстве завсегда.

В десять утра следующего дня Игорь покойно спал сам-двое с Самураем, сменившись с ночной вахты. Раскаленная боковина голландки заполняла рубку пряным теплом. Только расписанное сплошным узором окно напоминало: на улице трещит еще не отошедший от ночи нешуточный январский мороз. Зима на Сахалине выдалась почти сибирской.

Поэтому вестовому капитана Грищенко стоило трудов растолкать распавшегося младшего сержанта:

— Вставай, служивый, там тебя комбат требует!

Это подействовало, но не успел Игорь перепоясать гимнастерку ремнем, как в растворенную вестовым дверь вошел и сам комбат Нестеров, полуобернувшись в коридор и кому-то, вроде как Грищенко, на ходу говоря:

— ...Не заблужусь, чай, в трех соснах, то есть в четырех комнатах. Не усердствуй по обыденным делам, лучше со связистами своими разберись!

Сержант все же успел застегнуть ремень и даже бросить пальцы к пуговицам ворота гимнастерки, поздно сообразив: на ногах не сапоги, а войлочные обувки-тапки для времяпрепровождения в рубке.

— Здравия желаю, товарищ майор!

— Здорово, здорово, младший сержант, — комбат, делая вид, что не замечает полудомашних обувок, махнул рукой тоже вытянувшегося по струнке вестовому:

— Свободен. А ты, Прокофьев, — вольно, расслабься, ты ведь с вахты, заслуженно отдыхаешь.

Комбат остановился посреди рубки, с интересом осмотрелся, а увидев потягивающегося на топчане, разбуженного и недовольного Самурая, восхитился:

— Так вот кто папаша нашего Сеньки, что дочка летом домой принесла. Ну и зверюга!

— Присаживайтесь, товарищ майор, — слегка запоздало сержант отодвинул, полуразвернув, от стола знаменитый стул с высокой спинкой.

Нестеров кивнул, сел на стул, внимательно осмотрел стол с раскрытой общей тетрадью, авторучкой, «офицерской» линейкой, двумя справочниками с заложенными бумажками страницами: по физике и по математике. Стол вплотную примыкал к широкому подоконнику, использовавшемуся в качестве книжной полки, плотно уставленной школьными и вузовскими учебниками, толстыми томами монографий, журналами по механике, молекулярной физике, электромагнетизму, ядерной физике.

— Слышал, что интересуетесь новейшей наукой. Где литературу-то берете?

— В библиотеке нашей части, товарищ майор, — учебники. Иногда в поселковом когизе* покупаю, но туда научную литературу редко завозят, поэтому чаще

* Так в 40–50-е гг. в просторечии называли книжные магазины.

заказываю «Книги — почтой» из Владивостока и Хабаровска. Журнал «Успехи физических наук» по подписке на почте получаю...

— Что-то даже не слышал о таком. А почему именно им интересуешься?

— Так, товарищ майор, это основной физический журнал в СССР, именно в нем печатают все новейшие обзоры по ядерной физике.

— А ты ядерной физикой интересуешься?

— Так точно, еще когда перед войной в седьмом классе учился в Пскове. Учитель физики у нас замечательный был, говорил, что будущее всей промышленности — это ядерная энергетика. Меня он сразу выделил, давал книжки разные читать, назначал на уроках выступать с докладами по цепной реакции изотопов урана, о разделении изотопов уран-235 и уран-238. И об атомной бомбе тогда уже писали. Сейчас продолжаю учиться.

— А не высоко берешь, сержант Прокофьев? Тут взводá и роты академиков, полкí профессорóв головы ломают, а ты... Впрочем, хватит! Нет такого солдата, который не хотел бы стать маршалом. Это Наполеон так сказал.

Разговор затянулся почти на час, даже в полуотворенную дверь дважды Грищенко с любопытством заглядывал, но комбат отсылал его взмахом руки. Выяснилось, что Нестеров сам из учительской семьи, из Калуги. Отец математику преподавал, в доме их часто бывал Константин Эдуардович Циолковский, слушал собеседников, приставив к уху черную слуховую трубочку с раструбом наружу...

В итоге комбат разрешил Прокофьеву посещать поселковую вечернюю школу, а для общей пользы обязал его пару раз в месяц в рамках текущей учебы командного состава части читать лекции для офицеров по новинкам военной техники, в частности по атомному оружию, — из общедоступных источников, разумеется, по американским данным.

На первых занятиях офицеры с легкой усмешкой посматривали на лектора, худощавого и курносого младшего сержанта со слегка оттопыренными ушами. Состав же слушателей неявно делился на две части: молодые лейтенанты послевоенных выпусков военных училищ, но уже не ускоренного обучения, как в войну, а прошедшие полный курс, и старлеи и капитаны, заработавшие свои немногие звезды на погоны тяжелым ратным трудом, в том числе и окончившие училищаскороспелки. Поскольку же полк являлся техническим, то уже со второго-третьего занятия слушатели более не акцентировали внимание на двух лычках черных погон лектора, но с интересом слушали его.

Когда же Прокофьев рассказывал о параметрах и устройстве атомных бомб, сброшенных американцами на Хиросиму и Нагасаки, то офицеры шушукались: в войсках слухи быстрее, чем на черном базаре, распространяются. Хотя до двадцать девятого августа сорок девятого* оставалось еще полгода. А как-то после окончания занятий Прокофьева попридержал в коридоре штабного здания капитан Новостроев из второго («чужого») батальона, дружелюбно пригласил сержанта-лектора в «свое хозяйство» по соседству попить чайку с вареньем, которое замечательно готовила на зиму домовитая супруга. А за чаем-вареньем, действительно превосходным, рассказал Игорю, уже переставшему смущаться общению — не по чину — с офицерами, как где-то по осени сорок пятого свел знакомство во Владике*, в

* Дата испытания первой советской атомной бомбы РДС-1 (американцы назвали ее ДЖО-1 — в честь И. В. Сталина).

гостинице военной КЭЧ**, с молодым лейтенантом-летчиком, а точнее штурманом. Выяснилось, что оба командированных, поселившихся в маленькой комнатке на двоих, земляки — из Тулы, даже общих довоенных знакомцев нашли...

А раз так, то ужинать пошли в приличный ресторан, переодевшись в неприличные пока парадные мундиры. Дело в том, что Георгий Константинович уже издал свой знаменитый приказ: офицерам посещать рестораны не ниже второго разряда в соответствующей форме одежды. В пивные и забегаловки ни ногой! Лейтенант носил легкомысленную для его почти двухметрового роста фамилию Железкин***, а в конце ужина под большим секретом — «как офицер офицеру, земляку тем более» — рассказал, что только что вернулся из побежденной Японии. В составе экипажа военно-транспортного «дугласа» по приглашению, с умыслом конечно, американских союзников возил в Хиросиму важных генералов из Москвы — смотреть на результаты атомной бомбардировки. Генералы ходили по пепелищу, еще местами дымившемуся, а экипаж за ним увязался: где еще такое увидишь воочию!

— Так сколько же они рентген нахватали? — невежливо перебил Новостроева изумленный сержант.

— А кто их знает? Тогда ведь о радиации мало что знали.

— И он... Железкин этот, сейчас жив?

— А куда он денется. Этим летом был с семьей в отпуске в Туле, и он туда же прикатил. Служит в Одесском военном округе, правда, уже не летает. И раз в год в госпиталь ложится на обследование и переливание крови. А так — здоров как бык, вторую дочь на свет произвел. Но генералы — кто умер, кто хворает сильно. Вот такие, брат, дела. Ты, конечно, интересно сегодня рассказывал о термоядерном синтезе в энергетике, в промышленности, но все же мы люди военные, поэтому, будь добр, одно из следующих занятий посвятить радиации, как долгодействующему поражающему фактору. Другие офицеры тоже интересуются.

Расставшись с любознательным капитаном, Игорь поспешил в свой узел связи на полусменную вахту: занятий в вечерней школе сегодня не было. Учтывая, что теперь Прокофьев отвлекался на учебу и занятия для офицеров, Грищенко, по подаче сверху, утвердил новый график дежурств Прокофьева и Петра Полуянова, введя чередование сменных и полусменных вахт.

Ближе к ночи Петруха и сменил его. В мороз не хотелось из тепла здания бежать в круглосуточную дежурку столовой, поэтому в рубке достал из шкафа резервную банку тушенки, полбуханки ржаного, заварил чай, использовав самодельный кипятильник. Поел, не забыв про проснувшегося Самурая, сел за стол и раскрыл тетрадь.

В голове еще вертелись остатки разговора с капитаном Новостроевым, но он их усилием воли отложил «до лучших времен», вернувшись к всецело занимавшему его уже не первый месяц термоядерному синтезу. Тем более что почти в каждом из получаемых им ежемесячных номеров «Успехов физических наук» содержалась обзорная статья по перспективам ядерной энергетике.

Уже приучившись читать между строк научные публикации по перспективной тематике, Игорь не сомневался, что и в СССР наряду с созданием атомной бомбы

* Принятое на Дальнем Востоке название Владивостока.

** Квартирно-эксплуатационная часть (гарнизона).

*** Реальное лицо. Николай Андреевич работал с ним в НПО «Меткость» в 70–80-е гг.

уже проектируются атомные энергоустановки и целые электростанции, и в Америке многие участники Манхэттенского проекта переведены на «мирные рельсы». Но ведь на урановых реакторах свет же клином не сошелся? Кроме того, уран не кайлом или врубовой машиной в шахте добывается, как донецкий или воркутинский антрацит. За ним еще надо побегать, потрудиться. Еще Маяковский писал про радий, что в «грамм добыча, в годы труды...». Опять же не только технические задачи приходится решать, а нечто посложнее. Офицеры вот в курилке, в перерыве занятий, шушукуются: мол, потому и Туву* в самый разгар войны присоединили, что там залежи урана.

А для термоядерного синтеза топливо хоть из ближайшей водокачки или деревенского колодца бери! Главное препятствие здесь — это рабочие температуры, сравнимые с поверхностными на Солнце. Ни один материал на Земле такого не выдержит, расплавится тотчас. То есть все упирается в удержание шеститысячградусной плазмы от соприкосновения с чем-либо, кроме воздуха; впрочем, и последний здесь выгорает...

Школьную программу по физике он изучал по институтским учебникам Волькенштейна и Хвольсона — что нашлось в полковой библиотеке, поэтому хорошо усвоил основные принципы физического эксперимента: все новое надо стараться привести к аналогии с уже известным. Здесь Игорю, как работавшему с радиоаппаратурой, а в школе активному участнику радиокружка, в качестве такой аналогии на ум постоянно приходила обычная радиолампа. Тем более что все устройство ее прекрасно просматривается через прозрачный стеклянный баллон: раскаленный катод испускает поток электронов, которые проходят через управляющие сетки, не касаясь никаких железок и стеклышек, и попадают на катод.

В школьные годы, имея дело только с обычными радиолампами из широкодиапазонных приемников, нагревающихся во время работы, но не очень — в ладонь можно взять, — Игорь и не задумывался, что из себя представляет этот поток электронов. А вот в их узле связи стоят шкафы коротковолновых передатчиков типа «Победа» с киловаттами мощности на антенну. А от усилительных ламп ГУ-80 размером с двухметровый термос так и пышет жаром; внутри же стеклянного баллона как горящая дуга электросварки. Вот здесь-то он понял, что такое раскаленная плазма, в данном случае электронная.

Но ведь, исключая испускающий катод и «принимающий» анод, эта плазма как бы висит и движется в вакууме баллона лампы, не касаясь, как в мощной ГУ-80, всех металлических и графитовых деталей.

Из прочитанных статей в физическом журнале и двух-трех специальных монографий, также выписанных им «Книга — почтой» из Москвы, Игорь знал, что решение задачи удержания плазмы с солнечной температурой есть прямой путь к созданию термоядерного реактора и далее термоядерных электростанций. Идей предлагалось много, но все они закидывались на сверхогнеупорах, как в урановых реакторах или, например, в доменной печи. Но поскольку шесть тысяч градусов ни одно вещество на Земле не выдерживает, то инженеры-физики придумывали самые сложные устройства «термоядерных котлов» с системами охлаждения стенок: от циркуляции жидкого азота до многослойных конструкций с постепенным «съемом» слоев плазмы. Все это, как четко представлялось сержанту, не приближалось к решению задачи.

Когда ему пришла в голову аналогия с радиолампой, Игорь заново очень тщательно просмотрел всю свою литературу по ядерной физике, книги в полковой

* Тувинская Народная Республика, как и Монголия, находившаяся с 20-х гг. под «протекторатом» СССР, была в 1944 году введена в состав РСФСР в статусе автономной области.

библиотеке, выпуски реферативного журнала по этой же тематике, что тоже недавно стал выписывать по подписке. Увы, даже намек на удержание термоядерной плазмы в электромагнитном поле ему не встретилось.

«Ведь не может быть, — размышлял в ночной тишине и духмяной теплоте кубрика Игорь, — чтобы никому из мировых светил-физиков, нобелевских лауреатов не пришла в голову эта мысль — идея на поверхности? Скорее всего, работы в этом направлении ведутся, но в глубокой секретности...»

Это несколько успокаивало, но тут же пришла еще более настырная мыслишка: «А почему, собственно говоря, это должно быть тайной? Во-первых, это не урановые реакторы, в которых оружейный плутоний готовят. Там сверхсекретность понятна и необходима. А вот в термоядерном реакторе никаких «отходов» для оружия не предвидится!» Во-вторых, хотя и молод был сержант, не искушен вовсе в делах и тонкостях высокой научной этики-политики, но понимал: предметом заинтересованности государства, то есть тайной, может быть рабочее, техническое решение, но никак не общая научная идея. Иначе бы и законы Ома или Ньютона до сих пор держались бы под грифом «ОВ»*.

В служебных обязанностях, занятиях в вечерней школе, в вечерних и ночных бдениях в своем кубрике промелькнул до конца сорок восьмой год и пробежали зимние месяцы года сорок девятого. Торопясь скорее окончить школу, Игорь даже не воспользовался летом отпуском. Впрочем, из его письма Александра Федоровна и Алексей Николаевич поняли доuku сына и не очень обижались. Немного беспокоило, что сын ничего не пишет о планах на будущее и не такой уж далекой демобилизации. И невеста на примете есть...

А у сержанта Прокофьева на носу был месяц май, на Сахалине роскошный, весна, но не до нее было Игорю. Положенный же отпуск он оформил и провел в подготовке к экзаменам — за три учебных года, которые он прошел в один, и выпускные. Все он сдал прекрасно, не краснея и не запинаясь, получив в итоге из рук директора аттестат зрелости. «Первый случай в моей практике, молодец! — похвалил его семидесятилетний ветеран образования Лев Павлович. — После демобилизации обязательно учись, Игорь, дальше. Живешь-то ведь рядом с Ленинградом. Будущее у тебя обязательно будет. Достаточно тебе воевать и служить, долг свой перед родиной сполна выполнил!»

Однако в то время демобилизоваться досрочно даже участнику войны было сложно: многие и срочную по семь лет тянули — обстановка в мире опять накалялась, теперь уже не от Гитлера, а от Гарри Трумэна. Стране нужны были сталинские дивизии из кадровиков, познавших опыт Великой войны...

Смирившись с обстоятельствами, Игорь продолжил свои ночные бдения в кубрике. Уже осенью тетрадка в сорок восемь листов была заполнена описанием, чертежами и кой-какими расчетами по термоядерному промышленному реактору. Исходная идея — только своя. Ничего, даже намеков на подобное, сержант не нашел в физических журналах, самых свежих.

За основу реактора Игорь взял радиолампу, от которой и сама его идея возникла. Итак, два электрода, две сферы, как матрешки-куклы, расположены одна в другой с зазором. Причем внутренняя, малая сфера сплетена в виде сетки с ячейками, то есть прозрачна для летящих от внешней сферы ионов дейтерия. Сетка-сфера

* «Особой важности» — высшая форма секретности в СССР.

находится под очень высоким отрицательным потенциалом, а сама раскаленная плазма создается ионами и вторичными электронами с электрода-сетки. Плазма удерживается в электрическом поле — вроде как яичный желток в белке яйца. К стенкам и сетке сфер она не прикасается, а значит и не может их расплавить. Конечно, все это «работает» при очень тщательных и точных расчетах конструкции.

Самая большая плотность плазмы — в центре сетчатой сферы, где и происходит термоядерная реакция «горения дейтерия».

Испытанная в самом конце августа советская атомная бомба, понятно, заставила Игоря подумать и о военном применении термоядерной реакции. Опять же мыслил он по отдаленной аналогии с толовым зарядом. Ведь тепловой шашкой можно и гвозди забивать, и расплавить, залив в любую форму... Но приставь к ней взрыватель, подожги бикфордов шнур — и бросай в речку, где кета с горбушей косяком на нерест идут. Главное, чтобы старшины или кого из офицеров в радиусе двух-трех километров не наблюдалось...

А детонатором для взрыва термоядерного горючего должен служить атомный взрыв в центре этого горючего, который, в свою очередь, производится «пушечным» соединением двух подкритических масс урана. В качестве термоядерного материала после долгих раздумий и чтения доступной ему литературы Игорь выбрал дейтерид лития-6*.

Если относительно работоспособности термоядерного реактора его конструкции у Игоря все же были некоторые сомнения, особенно в расчетной части — он трезво оценивал свои скороспелые познания в ядерной физике, а особенно в высшей математике, — то в части водородной бомбы он был полностью уверен: работает.

Ближе к зиме пятидесятого года — последнего в его затянувшейся службе — все чаще стал задумываться: пока он тут исчиркивает целые общие тетради, американцы, быть может, уже на полных парах повторяют свой Манхэттенский проект, но только с водородной бомбой. А что делать? Доложить по начальству — так майор Нестеров и капитаны Грищенко и Егоров неизвестно как отнесутся. Скорее всего, Нестеров и Грищенко, расположенные к нему, но более всего пекущиеся о ровном течении службы в своих подразделениях, посоветуют дождаться дембеля, а там уже и стучаться в разные двери. Замполит же Егоров первым делом прочтет лекцию о бдительности и военной тайне, а потом «стукнет» особистам. Те же люди нервные, начнут ежедневно таскать к себе, выпрашивать, смотреть с прищуром подозрительности. Может, отправят для освидетельствования в психдиспансер в Южно-Сахалинске... Все может случиться, а главное, понимал хорошо: это уже не его личное дело, а *государственной важности!*

Поэтому его начальники и слушать-то не станут, особенно про бомбу, в прямом смысле рот ему заткнут. Больно охота им потом стреляться, если доука младшего сержанта станет известной в верхах и будет объявлена сверхтайной?

Прямо написать в Кремль? Вот это, пожалуй, вернее. Даже адресовать письмо на имя Генералиссимуса; от знакомого сержанта Достала, почтаря из полкового особого отдела, знал: никто, конечно, в Кремле письмо, адресованное вождю, не понесет срочно на подносе Иосифу Виссарионовичу, а вскрыют его в секретариате. Но зато до ворот Кремля никто не осмелится полюбопытствовать его содержанием.

* Так называемая водородная бомба импловивного типа с ${}^6\text{LiD}$ в центре (реальный технический прототип).

Доставь наемкнул: даже служебная инструкция на этот счет имеется для почтовых работников.

Однако Игорь все откладывал и откладывал дело с письмом. Как ни странно, смогли решиться сами американцы, точнее — их президент Гарри Трумэн: в самом начале января московское радио несколько раз за день сообщило, что президент США выступил перед Конгрессом, где призвал ученых-ядерщиков в ответ на испытание Советами атомной бомбы быстро создать еще более мощную бомбу, действующую на иной физической основе. Понятно, что речь могла идти только о термоядерном оружии.

В тот же день поздним вечером и захватив часть ночи, изведя несколько традиционных листков под черновики, Игорь написал письмо вождю. Наиболее трудным оказалось обращение к Сталину; остановился на воинском звании Иосифа Виссарионовича, так как сам человек военный. Чистовик писал на припасенном белом листе машинописного формата, хорошего качества — под «слоновью кость». Писал кратко, памятуя о занятости адресата:

«Товарищ Генералиссимус!

К Вам обращается младший сержант Прокофьев Игорь Алексеевич, проходящий воинскую службу в должности радиотелеграфиста (в/ч ..., о. Сахалин). Извините, что отнимаю Ваше время. Как и весь советский народ, все миролюбивое человечество, сердечно поздравляю Вас, дорогой Иосиф Виссарионович, с Юбилеем. Желаю Вам, Вождю советского народа, хорошего здоровья и еще многих славных свершений в деле руководства СССР, страны-победительницы, уверенно ведомой Вами к построению коммунизма!*

Товарищ Генералиссимус! Из известного сообщения ТАСС от сегодняшнего числа, посвященного заявлению президента США, следует, что американская военщина ведет работы над созданием термоядерного оружия сверхразрушительной силы. Не считайте меня самонадеянным, но у меня есть технический проект-разработка водородной бомбы. Это результат моей самостоятельной работы, как интересующегося со школьных лет ядерной физикой. Война и служба не позволили мне получить надлежащее образование, но я его по мере сил компенсировал активным самообразованием.

По Вашему указанию готов представить полное техническое описание предлагаемого устройства практического типа.

С уважением, мл. сержант И. А. Прокофьев».

Подписался, сложил вчетверо лист хрусткой бумаги, запечатал в «гражданский», то есть с маркой, конверт «АВИА», купленный днем в поселковой почте, прилег на койку, пододвинув Самурая в угол к ногам, и тотчас провалился в крепкий сон.

Наутро, перед вахтой, отыскал замполита, капитана Егорова, и сообщил, что отправляет письмо Иосифу Виссарионовичу.

— Это как понимать? О чем письмо? — с изумлением воззрился на сержанта Егоров.

— Поздравляю с семидесятилетием и прошу распорядиться рассмотреть одно мое изобретение.

Теперь Виктор Феодосьевич уже сузил в щелочку слегка азиатские глаза:

— Не поздно ли спохватился? И по чину ли тебе поздравлять от себя вождя, а? Может, какую кляузу на нашу часть, а мы-то тебе все условия создали...

— Никак нет, товарищ капитан. Службой я доволен, да и о кляузах начальству не сообщают. Мне важно, чтобы кто-то в верхах ознакомился с моим изобретением, а тут такой повод. Извините, конечно.

* 21 декабря 1949 года И. В. Сталину исполнилось семьдесят лет.

Егоров постепенно успокаивался, вспомнив, что настырный младший сержант вечно что-то изобретает, лекции офицерам читает. Даже ухмыльнулся под конец разговора:

— Хитрец ты, Прокофьев, может, захотел дембельнуть досрочно: дескать, в Москве академики за головы хватятся и срочно вытребуют тебя, а? Ладно, шучу. Письмо отправляй заказное, а особистам краткий рапорт не забудь написать. Береженого бог бережет.

Непонятно, кого имел Виктор Феодосьевич в виду. Скорее всего, себя. В конце концов сержант был беспартийным, то есть не его епархии. Пускай комсорги — от ротного до полкового — репу чешут*.

Прошли неделя, другая, миновал месяц. И еще пара месяцев. Ответа не было. Загодя предупрежденный Досталь (ответ наверняка шел бы через спецчасть) при встречах разводил руками: пишут, мол.

Капитан Егоров тоже интересовался, но он же отчасти и успокоил:

— Ты представляешь, сколько писем, телеграмм пришло в секретариат товарища Сталина в декабре-январе с поздравлениями? Наверное, миллионы. Вовсе не трудно было твоему утонуть в этом потоке. И посеючас, небось, лежит твой листок с проштемпелеванным левым верхним углом «Вх. №...», подшитый вместе с двумя-тремя сотнями таких же листков в картонном скоросшивателе, которых тоже не одна сотня в архиве третьего разряда.

Человек по натуре добрый, несмотря на собачью должность, Виктор Феодосьевич даже посоветовал повторить письмо, для надежности адресуя его в ЦК ВКП(б).

— Я как раз через пару дней еду в Южно-Сахалинск на войсковой партактив и передам твое письмо через орготдел обкома для отправки в цэка со спешной почтой. Это не секретка, можно и обычные отправления прилагать. А у меня как раз в орготделе техработником служит одна... ну-у, скажем, родственница, — подмигнул по-свойски Виктор Феодосьевич, известный в полку обожатель женского пола. Сержант нравился замполиту своей настойчивостью, а главное — Прокофьев, хотя и салага, но принадлежал к их фронтовому братству, где разница между унтером и офицером, по крайней мере на людях, несколько размыта. Во втором письме Игорь упомянул и об управляемом термоядерном синтезе.

Через пару дней капитан Егоров, прихватив письмо сержанта, уехал в Южно-Сахалинск, а всего через неполные две недели, когда сержант находился на вахте, в рабочую комнату торопливо вошел начальник узла связи капитан Грищенко, одновременно встревоженный и снедаемый любопытством:

— Прокофьев! Чего ты там натворил, тебя срочно требуют в штаб полка, а?

— Никак нет, товарищ капитан, ничего не натворил. Да я почти месяц за ворота части не выходил. Не могу знать.

— Ладно. Сейчас придет Полуянов, за ним уже побежали, сменит тебя, а ты с посылным мигом в штаб. Он на машине.

Через минуту пришел заспанный сосед по кубрику. Принимая от соседа вахтенный журнал, успел шепнуть:

* Оглушенные антисталинским агитпропом — от времен хрущевского либерализма до нынешнего дембешенства СМИ, — доверчивые наши люди и помыслить не могут, что в те «гулаговские времена» можно было запросто написать письмо Вождю и даже получить в той или иной форме ответ, не опасаясь, что тотчас прикатит «воронок» из фольклора и дадут любителю писать «наверх» десять лет без права переписки (авт.).

— Этот старлей из особистов меня при выходе из кубрика обыскал и дверь опечатал.

— А Самурай как же? — ошарашенно спросил Игорь.

— Не заметил. Тот от незнакомого человека под топчан сиганул.

— Р-разговорчики! — построжал совсем сбитый с толку Грищенко. — Прокофьев, марш на выход!

В штабе молчаливый старлей-особист повел Прокофьева прямо в кабинет Нестерова, но уже не майора-комбата, а подполковника и комполка без приставки «и.о.». Кроме Матвея Григорьевича находились еще двое: особист полка майор (тоже свежеиспеченный) Деревянкин и солидный мужчина лет пятидесяти, аккуратно причесанный, в темном костюме с галстуком.

— Товарищ подполковник! Младший сержант Прокофьев по вашему приказанию прибыл, — отрапортовал Игорь.

— Хорошо. Присаживайтесь, — показал Нестеров на стул рядом с гражданским, — с майором, надо полагать, сержант, вы знакомы, а вот — приехавший по вашему делу завсектором Сахалинского обкома партии товарищ Белкин.

С любопытством глядя на сержанта, тот улыбнулся и протянул руку:

— Познакомимся, Игорь Алексеевич. Меня зовут Сергеем Антоновичем. Дело в следующем. Вчера нам в обком позвонили из ЦК ВКП(б). Ваше предложение, сущность которого известна только первым лицам обкома, заинтересовало соответствующие инстанции в Москве. Вам предписывается написать в самое ближайшее время — не более месяца — подробный отчет для отправки в столицу. Командование части создаст все условия для работы, освободив от прямых служебных обязанностей. Есть ли какие просьбы, пожелания? Нет. Ну и прекрасно. Если возникнут вопросы любого характера — звоните прямо мне в обком, вот на бумажке мой телефон.

«Пан или пропал», — мелькнуло в голове сержанта, и он повернул голову в сторону комполка:

— Товарищ подполковник, разрешите в присутствии товарища Белкина обратиться к вам с просьбой?

— Давай, сержант, для того мы и собрались здесь.

— Мне еще до конца этого года служить, а я хотел попробовать уже этим летом поступить на физический факультет МГУ. Нельзя ли досрочно демобилизоваться?

Нестеров с немим вопросом посмотрел на обкомовского:

— Как полагаете, Сергей Антонович? Тем более что фронтовик, да и в мирное время вволю наслужился.

— Вы, Матвей Григорьевич, командир, как говорится, царь и бог в своей части, вам и решать. Со своей стороны всячески рекомендую. Парень, вижу, хороший, с головой, а советская наука сейчас пошла семимильными шагами.

Чувствовалось, что вихрастый сержант явно понравился обкомовскому гостю.

— Можно подумать. А когда вступительные экзамены? — поинтересовался Нестеров.

— В августе, товарищ подполковник, но заявление по почте надо уже в июне отправлять с разрешением командования.

— Хорошо. Заявление отправляй, я завизирую. А вопрос о досрочной демобилизации решим окончательно после составления тобою отчета. Ну, товарищи, — комполка поднялся со стула, остальные вслед за ним, — всем все ясно. Сергея

Антоновича попрошу заверить первого секретаря обкома, что не подведем, выдадим на-гора даже раньше установленного срока. Как, младший сержант?

— Так точно, досрочно, — встал по стойке «смирно» повеселевший Прокофьев, — не подведем, товарищ подполковник!

— Понятно. Я сейчас Сергею Антоновичу покажу наше хозяйство, а Василий Игнатьевич, — Нестеров обернулся к майору Деревянкину, — даст подробные инструкции герою, так сказать, сегодняшнего дня.

Распрощавшись по уставу с командиром и за руку (по инициативе гостя) с завсектором обкома, Игорь заторопился вслед стремительному в движении особисту в его кабинет.

— Ну и задал ты нам задачу, изобретатель хренов, — по-доброму, с ухмылкой начал инструктаж майор.

Прокофьев сделал понимающе-скорбное лицо: дескать, извиняйте меня со своей докукой, но теперь и я уже сам себе не принадлежу. Дело-то государственное.

Деревянкин, хотя и не кончал университетов и академий, но психолог был отменный, все прочел по лицу сержанта, еще раз ухмыльнулся и перешел к делу:

— На время работы над отчетом тебе присваивается высшая, первая форма секретности. Тут от тебя нужны разные анкеты и подписи — это сегодня все у моего помощника в шестой комнате сделаешь. Он уже предупрежден.

Это — раз. По инструкции из обкома ты должен работать в отдельной охраняемой комнате, а перепечатывать твои записи может лишь машинистка нашего отдела с соответствующим допуском. Такой у нас нет, но ты ведь, как радиотелеграфист, сам можешь печатать?

— А как же, товарищ майор, десятью пальцами вслепую. Это мои должностные обязанности.

— Угу, очень хорошо. Комната у тебя уже имеется. Соседа выселим в казарму, на окно уже ставят решетку, в коридоре у двери круглосуточно будут дежурить бойцы из комendanтского взвода. Кроме тебя, никто входить не имеет права; сам будешь выходить, хотя бы даже по малой нужде в галльон, дверь опечатывай. Будет у тебя своя печать. И караульный каждый раз обыщет. Уж не обессудь. Печатную машинку доставим тоже сегодня. Да, если при печатании, а делай все в одном экземпляре, лист испортишь, то ни в коем случае не выбрасывать. Потом по акту сдашь. Все листы дадут уже проштемпелеванные с грифом. Чертежи рисуй тушью. Все необходимое из чертежных принадлежностей тебе дадут.

Главное — пиши все очень подробно, ничего из существенного не упуская, поскольку по приемке отпечатанного и вычитанного тобою же экземпляра все черновики твои, рукописи, все, что у тебя в комнате есть рукописного, — будет по акту уничтожено. Останется только в памяти.

И ни одна душа, включая меня и Матвея Григорьевича, не говоря уже обо всех остальных, не должна ни полслова, ни четверть намека знать, о чем ты пишешь. Все ясно?

— Так точно, товарищ майор!

— Э-эх, жили себе спокойно, от войны отдыхали...

Не месяц, но без малого три недели Игорь провел буквально отрезанный от всего большого и малого мира. Даже радиоточку-репродуктор убрали особисты по причине строжайшей бдительности. Впрочем, на том и инструкция настаивала.

Хотел ретивый старлей и кота Самурая перевести в хозяйство на жительство, но поднаторевший в секретной бюрократии Прокофьев потребовал показать соответствующий параграф и инструкции, пообещал позвонить в обком, в Южно-Сахалинск. Самурая оставили, разрешив ему без обыска покинуть келью затворника; время стояло летне-весеннее, и матерый котьяра являлся домой только под утро — пожрать и отоспаться днем.

Да и сам затворник неохотно отлучался от увлекшей его работы — на камбуз поест и вечером, когда навалившаяся на Сахалин жара спадет, часок-другой проведет на воздухе. Главное — ему и поговорить-то теперь не с кем было. Бывший друг и сосед по рубке Петька Полуянов здороваться перестал и зверем смотрел. Понятно, кому охота ни за что из «собственной» комнаты в казарму переселяться?

Но самое обидное — все остальные солдаты и сержанты части стали его сторониться. Поначалу Игорь списал это на зависть человеческую: дескать, живет один, сам-барин, в столовой на довольствие младшего офицера переведен... Но потом из солдатских разговоров дошло: хитроумные особисты, дабы пресечь все разговоры секретного сержанта с сослуживцами, пустили дезу: младший сержант Прокофьев по заданию начальства пишет характеристики-доносы на всех мало-мальски знакомых ему солдат и унтеров.

И куда бы ни шел по территории части и в самом здании узла связи Игорь, всегда в нескольких метрах маячила фигура кого-то из особистов невысокого чина, даже знакомого ему сержанта-почтаря *Достая*. Вот уж истинно *достали!*

Но все это были хотя и досадные, но все же мелочи жизни. Главное — несказанное удовольствие доставляла сама работа над первым в жизни научным трудом. Да и чисто оформительские дела аккуратисту по характеру Игорю пришлось по вкусу: печатание текста, вычерчивание на форматках ватмана тушью чертежей, вписывание в текст формул — тоже тушью. К вечеру каждого дня он с удовольствием смотрел на растущую стопку готовых чистовиков, бережно упаковывая до утра в новую картонную папку с завязками. К стати, вместе с пишмашинкой и прочей канцелярийской особисты принесли и портфель, в который он должен был в конце рабочего дня складывать черновики и чистовики, опечатывать его и сдавать в особый отдел. Но Игорь позвонил по внутреннему телефону с узла связи майору Деревянкину и легко убедил в ненужности столь сложной процедуры: и так его местожительство под круглосуточной охраной бойца-краснопогонника с карабином.

Победив особиста, Игорь в душе хитрюще усмехнулся: про глупость с портфелем не забыли, а вот опечатать форточку большого размера на зарешеченном снаружи окне запомнили! А он ее прохлады ради держал открытой внутрь круглосуточно...

Итак, отпечатав последний лист чистовика, дважды тщательно вычитав отчет, он свободно вздохнул и по служебному телефону доложил Деревянкину об окончании работы. Особисты прибыли целой группой, но в кубрик вошел только майор. Отведя глаза в сторону топчана со спящим Самураем, чтобы ненароком не прочитать хоть слова в черновиках и чистовике, Василий Игнатьевич давал распоряжения:

— Та-ак, Прокофьев, делай все по команде. И вот возьми причиндалы: сургуч, бечевку, зажигалку, мешки для черновиков и готового отчета.

И далее под монотонную диктовку Деревянкина, упорно отводившего взгляд от стола с бумагами, Игорь в течение часа проделывал сложные операции с пересчетом листов чистовика, испорченных на машинке, оставшихся неиспользованными, всех черновиков, включая школьные записи, — все, что было в кубрике рукописного. Все эти цифры он заносил в протокол. Капал разогретым зажигалкой сургучом, ставил свою печать и особого отдела, которую каждый раз Деревянкин вынимал из кармана галифе и тотчас забирал из рук сержанта.

В итоге Игорь передал майору два опечатанных мешка: малый полотняный с чистовиком и большой рогожный с остальными бумагами. Эти мешки Деревянкин лично понес к машине в сопровождении двух автоматчиков «на изготовку» и Игоря. Еще один солдатик забрал пишущую машинку, тушь и готовальню. Личную печать особит у сержанта изъял. Оставил свой пост в коридоре и охранник.

В особом отделе в присутствии Игоря большой мешок, не раскрывая, сожгли в специально растопленной летом голландке. Сам Деревянкин кочергой разворошил легкий бумажный пепел.

На прощанье майор сообщил автору, что уже сегодня отчет будет отправлен секретной почтой в спецотдел обкома в Южно-Сахалинск. (Позднее, из разговора с Белкиным, Игорь узнал, что отчет был отправлен в ЦК ВКП(б) заведующему отделом тяжелого машиностроения И. Д. Сербину.)

На другой же день младшего сержанта Прокофьева вызвали в штаб, ознакомили с приказом о досрочной демобилизации, выдали проездные документы до Москвы и через час попуткой отправили в Южно-Сахалинск в распоряжение завсектором Белкина.

Спешно собирая нехитрый свой скарб, Игорь помирился с Петьюшкой Полуяновым, вновь водворенным в кубрик, велел опекать Самурая. Зашел попрощаться с капитаном Грищенко и замполитом Егоровым. Оба искренне желали успеха ставшему в одночасье известным всей части сержанту. Просили написать, как станет студентом МГУ.

Вроде как и по необходимости здесь эти годы находился, но даже одна-другая слеза из глаза накатились, когда пожимал руки Полуянову и отцам-командирам, в последний раз гладил по загривку Самурая. Ко всему привыкает человек, везде торопится гнездо свить...

В Южно-Сахалинске его высадили у обкома. Из проходной позвонил Белкину. Тот выслал молодого человека в костюме и галстук, который повел сержанта в бюро пропусков. Через десять минут он уже беседовал с милейшим Сергеем Антоновичем:

— Значит, едешь в Москву учиться?

— Да поступить еще нужно, Сергей Антонович. Хоть готовился, есть вызов на экзамены, от командира части рекомендация и хорошая характеристика, но все одно боязно: ведь физфак МГУ! А тут какой-то младший сержант с Сахалина...

— Не боги, как раньше говорили, горшки обжигают. Голова боится, а руки делают. — Завсектором явно был из учителей. Так оно и оказалось при дальнейшем разговоре. — Жаль, что Семен Андреевич со всем руководством обкома на пару-тройку дней убыли на север острова, к горнякам на выездное совещание. Он хотел с вами поговорить.

Игорь сообразил, что речь шла о первом секретаре обкома, а Белкин перешел уже к деловой части разговора:

— Самолет на Хабаровск завтра в середине дня вылетает, а там тебя на скорый посадят; место забронировано. Как раз в Москву к началу экзаменов поспеешь. Переночуешь в обкомовской гостинице — это в левом крыле здания. Харчеваться будешь в нашей же столовой. Кстати, через полчаса обед — тебя Константин, наш инструктор, что оформлял пропуск, и в столовую отведет, и в гостиницу вселит. Он же после обеда проводит в читальный зал спецбиблиотеки — до вечера ознакомишься с одним любопытным документом. Это распоряжение Семена Андреевича.

...Из почти суточного пребывания в обкоме более чем столовая с официантами, подававшими незатейливые, но хорошо приготовленные, сытные блюда, гостиничный номер на двоих, куда его поселили одного, Игорю запомнились часы, проведенные в спецчиталке. Оформив с помощью инструктора Константина несколько подписок-расписок, он получил из рук пожилой библиотекарши увесистый, в формат писчего листа, том в коленкоровом переплете без названия. Только в верхнем правом углу был проставлен штампом инвентарный номер. Под переплетом находилась пачка опечатанных на машинке листов, точнее их копий на множительной машине, прошитых по левому полю тонкой бечевкой, концы которой на обороте последней страницы были заклеены калькой с оттиском круглой уже печати. Это был перевод отчета видного американского физика-ядерщика по военному использованию атомной энергии. В нем Игорь нашел подтверждение некоторым своим мыслям, но еще больше узнал и нового, на ходу корректируя уже свои конструкции.

Восьмого августа он прибыл в Москву, а первое сентября встретил уже первокурсником физфака МГУ. А потом так его научная и учебная жизнь закрутилась... Но это надо уже вспомнить всю историю советских проектов водородной бомбы и до сих пор промышленно не реализованного термоядерного синтеза.

ЭПИЛОГ

Вернувшись из «зарубежной» поездки, Николай Андреевич впал в благодушную интеллигентскую рефлексию. Понятно — о судьбах русских ученых и изобретателей. И раньше частенько задумывался, а тут и повод куда как явный. Но если раньше он размышлял о судьбах выдающихся классиков русской науки, то теперь перед ним пример современника, которого он несколько дней назад воочию наблюдал.

А история и вправду изобилует всякими кунштюками. Радиотехник по образованию, Николай Андреевич как пять пальцев своей руки знал электродинамику — физическую науку о генерации, обработке, распространении в эфире и приеме электромагнитных волн: то же радио, по будням с восьми до одиннадцати часов ряженные врачами актеры убеждают пенсионеров в пользе пищевых добавок («Мертвого с одра поднимут!»), а главное: *ТВ* — враг номер один современного человечества.

А в электродинамике одно из базовых понятий — вектор распространения энергии электромагнитной волны. На Западе его именуют вектором Пойнтинга, у нас — Пойнтинга — Умова (или Умова — Пойнтинга), в сталинские послевоенные годы просто вектором Умова; это когда шло великое восстановление авторитета русской науки. Но все равно в электродинамике этот вектор принято обозначать заглавной греческой буквой " \vec{P} ", то есть в честь Пойнтинга все же...

Сущность же разночтений в том, что первым дал определение этого понятия Николай Алексеевич Умов, выдающийся русский физик последней трети XIX — начала XX веков, создатель московской физической школы, а заодно и физического факультета Московского университета, на котором и учился сержант Прокофьев спустя полвека с лишком. А иностранец Пойнтинг только с десяток лет спустя дал определение этому вектору, да и то лишь для частного физического случая.

Николаю Алексеевичу вообще не везло на приоритеты. Так, открытый им закон распределения электрического поля в пластине произвольной (неправильной)

формы просто присвоил очень даже знаменитый немецкий физик-электротехник Кирхгоф. Видно, был он человек простой: прочитал в малоизвестном в Европе русском научном журнале статью Умова, перевел на немецкую мову и опубликовал в каком-нибудь солидном *«Zeitschrift für Elektrotechnik»**.

В правдивости последней истории Николай Андреевич не сомневался, ибо прочел ее в случайно попавшем в его руки томе словаря Брокгауза — Ефрона дореволюционного издания. А Брокгауз и тем более Ефрон были издателями солидными и непроверенных трижды фактов в свою энциклопедию знаний не допускали.

Николай Андреевич уже и не вспоминал о паровозе братьев Черепановых, аэроплане Можайского... — всех их переплюнули запоздалые западные изобретатели. Кстати, изобретатель телевизора Зворыкин и создатель вертолета Сикорский потому и остались первооткрывателями, что вовремя уехали «за бугор».

Но во всех этих, очень многочисленных, случаях хоть есть логика: борьба за приоритеты как показатель самодостаточности государств. Другое дело, когда эти «схватки под ковром» разворачиваются в пределах самой страны. Тут уже действует не логика, но амбиции, в худшем случае — откровенный карьеризм и своекорыстие.

А можно и с другой стороны взглянуть: студент физфака МГУ (а это не провинциальный пединститут!) разговаривает на равных с кандидатом физматнаук, вчерашним аспирантом Сахаровым, обсуждают они конструкцию водородной бомбы. Проходит сравнительно недолгое время: Андрей Дмитриевич признанный «отец водородной бомбы» и трижды Герой Социалистического Труда, а бывший сержант — научный сотрудник Харьковского физико-технического института.

Правда, стремительную научную карьеру Андрея Дмитриевича изрядно подпортила супруга, неистовая демократка до времени. Но это уже субъективный фактор.

И на ТОКОМАКе многие академическую карьеру сделали, хотя до сих пор до промышленной реализации дело не дошло. И вряд ли дойдет, пока в мире энергетикой правят нефтегазовые, угольные, атомно-урановые транснациональные корпорации. А вот это как раз фактор объективный!

Вообще говоря, в современной науке и подчиненной ей промышленности корпоративность играет основную роль.

Это прекрасно знал Николай Андреевич, проработав тридцать лет в оборонно-промышленном комплексе. Казалось бы, что в советское время какая могла быть корпоративность, что всегда есть в чем-либо вред, если полностью превалировал государственный интерес? А вот так и был; он являлся внебрачным ребенком здоровой, специально поддерживаемой промышленными министерствами конкуренции: кто лучше сделает! Но народившийся байстрюк-корпоративность тоже времени не терял.

Сколько Николай Андреевич за десятилетия работы встретил талантливых конструкторов-оружейников — у себя в НПО и на других предприятиях страны, где бывал в командировках, — создававших самые совершенные, во много раз превосходящие западные образцы стрелкового оружия: от пистолетов до пулеметов. И что же? Каким бы авторитетом ни пользовались руководители орденосных НИИ-НПО, но не могли прошибить некую стену, поставить новые разработки на вооружение Советской армии. А военпром все так же тиражировал в миллионах экземпляров стрелковое оружие сороковых — пятидесятых годов разработки, слегка модернизируя его в соответствии с требованиями времени...

* *«Электротехнический журнал» (нем.)*.

А с сержантом с Сахалина и вовсе так приключилось, что попал он со своими эпохальными изобретениями промеж соревнующихся (слово «конкуренция» тогда не произносилось вслух) группировок физиков-атомщиков.

Да и сам он, как понимал Николай Андреянович, человеком был скромным... Откуда уроженцу из Пскова, из рядовой семьи, повоювавшему, а потом пять лет проведенному солдатом у черта на куличках, — откуда ему, молодому еще человеку, иметь нахрапистость, умение где надо подлизнуть, а то и вовсе сподличать, словом — пробивные способности?

Николай Андреянович сам провел детство и юность хотя и поближе Сахалина, но все равно в медвежьем углу, в среде военных моряков, потому мог с полным правом о характере сержанта-изобретателя судить по себе.

С другой стороны, зачем нужно было всем этим славным академикам, героям и лауреатам так общно почти полвека замалчивать имя автора идей водородной бомбы и управляемого термоядерного синтеза. Секретность? Но ее в отношении этих «изделий» сняли еще при Хрущеве: Сахаров гордо и публично именовался «отцом водородной бомбы», а ТОКОМАК с тех же пор является международным проектом.

...Николай Андреянович не поленился сходить в читальный зал университетской библиотеки и перелистать тот самый номер «Успехов физических наук»*, про который ему говорил в Харькове знакомец из НИИ Просвирнина. Нашел воспоминания самого бывшего сержанта о Л. П. Берии и других знаменитых людях:

«...Через некоторое время, правда не очень малое, в кабинет председателя пригласили Сахарова, потом меня.

Из-за стола поднялся грузный мужчина в пенсне и пошел навстречу, подал руку, предложил садиться. Далее последовали вопросы о родственниках, в том числе осужденных и т. д. О делах ничего. Это были смотрины. О моих документах ему уже было известно заранее. Ему хотелось, как я понял, посмотреть на меня и, возможно, на А. Д. Сахарова, что мы за люди. По-видимому, мнение оказалось благоприятным.

Через некоторое время посыпались какие-то блага: повышенная стипендия, Постановлением Совета министров СССР была выделена вместо общежития меблированная комната в Москве близко к центру (набережная М. Горького, дом 32/34), организована доставка любой необходимой литературы, назначены оплачиваемые Первым главным управлением (ПГУ) дополнительные преподаватели. Когда вышли из Кремля вместе с Сахаровым, он сказал, что теперь будет все хорошо, будем работать вместе.

Вскоре произошло новое событие. Вечером в общежитии меня разыскал молодой человек спортивного вида и предложил ехать с ним. Мы поехали. Приехали к зданию на Новой Рязанке, недалеко от Комсомольской площади. После оформления пропусков, а это была длительная процедура, поднялись в кабинет Н. И. Павлова на втором этаже. Оказывается, меня там уже давно ждали. Прошли в другой кабинет. Я прочел табличку — Б. Л. Ванников. В кабинете оказались два генерала — Б. Л. Ванников и Н. И. Павлов, а также штатский с черной окладистой бородой. За все время моей службы я не видел ни одного генерала, а тут сразу два, да этот бородатый штатский. Начался разговор. Вопросы задавал бородатый. Впоследствии я узнал, что это был И. В. Курчатov.

В разговоре Павлов вставил реплику: «Он хочет в это устройство вставить атомную бомбу». Это меня настолько насторожило, что я невольно подумал: «Могли ли я рассказывать им об устройстве водородной бомбы без санкции сверху?» — и у меня невольно вылетело вслух, что я был у Берии.

* «УФН», 2001, т. 171, № 8, с. 886–894 (цитата подлинная).

Дальше моим трудоустройством занялся Павлов. Я приходил к нему, рассказывал о своих идеях, излагал их письменно и отдавал ему. Он прятал все записи в сейф. Своим добрым отношением к моим работам он вдохновлял меня на новое творчество. Он познакомил меня с Д. И. Блохинцевым, который в то время руководил в Обнинске строительством первой в мире атомной электростанции.

Затем Н. И. Павлов познакомил меня с И. Н. Головиным, одним из руководителей работ по МТР в ЛИПАНе. Меня пригласили поработать у И. Н. Головина.

Кроме того, мне была предоставлена возможность заниматься дополнительно с преподавателями: физики (Телеснин Роман Владимирович, физик, окончил в 1926 г. Киевский государственный университет), математики (Самарский Александр Андреевич, в настоящее время академик РАН) и английского языка.

С А. А. Самарским у меня сложились очень хорошие отношения. Я ему обязан не только конкретными знаниями в области математической физики, но и в области методологии, в умении четко поставить задачу.

С А. А. Самарским я провел расчеты «магнитных» сеток. Были составлены и решены дифференциальные уравнения, позволившие определить величину тока через витки сетки, при котором сетка защищалась магнитным полем этого тока от бомбардировки высокоэнергетическими частицами плазмы. Эта работа, законченная в марте 1951 г., дала начало идее электромагнитных ловушек.

В мае 1951 г. я получил допуск в ЛИПАН для работы в группе И. Н. Головина. Здесь мне рассказали об идее термоизоляции высокотемпературной плазмы магнитным полем, предложенной А. Д. Сахаровым и И. Е. Таммом. Я думал, что они предложили эту идею независимо от моей работы июля 1950 г. Но, как рассказал потом Сахаров, на эту идею его натолкнула моя работа, которую он рецензировал».

Из прочитанного Николаю Андреевичу уже почти все стало понятно. Не таким уж крохотным винтиком являлся бывший младший сержант уже по первому году пребывания в Москве; дескать, вызвали посмотреть-подивиться и отпустить восвояси. Как передовую доярку по разрядке какого-нибудь обкома вызовут в Кремль, вручат орден, сфотографируют рядом с товарищем Калининским или — позже — с Георгадзе и тут же напрочь забудут о ее существовании.

Нет, наш герой сразу включился в серьезную работу. Главное — руководство страны и глава атомных проектов маршал Л. П. Берия как раз полагали его автором и инициатором обеих идей и дали указание об эффективном использовании автора в реализации его изобретений.

Так оно поначалу и было, а потом его потихоньку оттерли, как это умеют делать в академических кругах.

Была ли обида? Наверное, не без этого. Но явно в злость или какую иную меланхолию она не переросла. В этом и сам Николай Андреевич убедился во время случайной встречи в Харькове.

Великие дела порой делают малые люди!